

Оппозиция "мы-они" в концепции В. В. Носкова:

Мы	Они
<p><u>1. Личные качества</u> Углубленное исследование Владение методологией и методами исследования Индивидуальное творчество Высокий интеллектуальный уровень Профессиональный историк Учет национального опыта Компетентность</p>	<p><u>1. Личные качества</u> Экспансия знания Расширение зоны исследования Массовая профессия Низкий интеллектуальный уровень Смежные области науки Некритическое заимствование западных новаций Некомпетентность Погоня за модой Активность Кастовость</p>
<p><u>2. Методология</u> Инструментальное разделение исторической науки на специальные дисциплины Идеал цельного знания Как изучать историю? История как Humanities Иерархия учебных предметов</p>	<p><u>2. Методология</u> Абсолютное разделение исторической науки на специальные дисциплины Отрывочное знание Что изучать в истории? История как Social Sciences Междисциплинарный характер</p>
<p><u>3. Общие выводы</u> Гендерная история вторична. Имеет право на существование, но как второстепенный предмет Достаточно спецкурсов, спецсеминаров и включение в общие курсы в качестве дополнения Необходимо не допустить экспансии гендерной истории</p>	<p><u>3. Общие выводы</u> Экспансия гендерной истории Общие курсы</p>

Таким образом, в историческом познании весьма значительной оказалась роль самого исследователя, неосознанно искавшего в истории те сюжеты, которые бы отвечали его собственному опыту⁵. Центральный дискурс исторических трудов конструировался таким образом, как будто женщины и их групповые интересы концептуально несовместимы с историческими исследованиями⁶. Особенному приписывался статус всеобщего. Мужской опыт деперсонифицировался, становясь "всеобщим" опытом познающего человечества. На этом основании формировались (и формируются до сих пор) основные теоретические постулаты традиционной исторической науки.

Ее логика заставляет В. В. Носкова выступать против изменения предмета исторического познания, когда он указывает на то, что главной проблемой является не вопрос о том, что изучать в истории, а как изучать историю⁷. Можно предположить, что для него предмет исследования в целом определен, и главная задача историка – разработать "правильный" метод, позволяющий

найти некое зерно истины. Очевидно, что именно в разработке подобных методов, дополняющих и обогащающих "большую науку", и найдется место для гендерной истории.

Могут ли гендерные исследователи принять такой подход? Очевидно, нет, ибо на его критике и сформировалась современная гендерная теория, как часть широкого философского проекта, опровергающего жесткую грань между субъектом и объектом исследования, пересматривающего критерии объективности и предполагающего расширение предметной зоны анализа путем интеграции повседневной сферы коммуникации людей⁸.

Применительно к гендерной истории можно сказать, что традиционная историческая наука предлагает нам не изучение взаимодействия полов, но изучение того, как мужчины (субъекты) конструируют свое взаимодействие с женщинами (объектами), репрезентируя некий сконструированный ими же образ противоположного пола⁹. Поэтому женская история никак не может стать

только одним из подчиненных элементов "большой истории". Ее метод предполагает взгляд на историческое познание с более широких позиций. Это не просто более широкие, но и принципиально другие позиции, основывающиеся не только на современных философских парадигмах, но и ином (женском) опыте, с позиции которого может быть реэвалюировано традиционное знание.

Проблематизация предмета исследования влечет за собой весьма резкие изменения во всей системе организации научного знания. Однако это не столь безболезненный процесс. Современная наука построена не столько по типу понимания процессов, сколько организации контроля над ними. В этом смысле наука является еще и способом осуществления власти продуцировать познание, работающее для вполне определенных целей¹⁰. В свою очередь, историческое знание представляет собой сложную систему, определяемую доминирующей культурой и политическими традициями того или иного общества¹¹.

Итак, в заочной дискуссии В. В. Носкова с гендерными историками проявляются вполне конкретные интересы определенной общественной группы (или же групп). Именно присутствие властного дискурса создает то самое напряжение, которое и заставляет его столь резко реагировать на угрозу "экспансии гендерной истории". Он разрешает новому знанию дополнить существующее, однако не готов пересмотреть и реэвалюировать основы последнего. Таким образом, четко определяются границы, в которых дозволительно развигиваться новому знанию.

Кризис исторического знания и новые методологические подходы

Историческое знание как наука формируется в начале XVIII в., причем сразу же его основой становится требование точного воспроизведения исторического факта на основе тщательной критики исторических источников. Таким образом, "традиционный" историк предполагает, что восходящее развитие научного знания позволяет "открывать истину", восстанавливая прошлое во всей его полноте и целостности. Имплицитно предполагается, что существует возможность нахождения некоего "абсолютного" знания, объективного, не зависящего от самого исследователя.

Напомним, что на Западе уже в 80-е годы осознание относительности знаний и представлений о прошлом, о результатах и путях его реконструкции, оказалось основой для исторической рецепции ряда философских теорий, объединяе-

мых общим термином "постструктурализм". Была поставлена под сомнение возможность достижения объективного знания об ушедших веках¹².

В целом можно признать, что история как наука о прошлом имеет дело с мертвым материалом, который "оживает" лишь в соприкосновении с настоящим. Она существует лишь в той степени, в какой она имеет значение для ныне живущих поколений. Еще в начале средних веков была высказана мысль о том, что прошлое и будущее существуют лишь благодаря таким свойствам нашего разума, как память и ожидание, то есть благодаря настоящему, но без них последнее также превращается в ничто.

Новые философские концепции XX в. позволили историкам взглянуть на самих себя и обнаружить, какое значение их собственный опыт и практики играют в конструировании исторического текста и исторической "реальности" в целом. Требование объективности исследования, когда его субъект как бы становится над реальностью, оказалось утопией. Подобная саморефлексия позволила по-новому взглянуть на задачи и предмет исследования, являющийся бесконечно сложным конструктом, соединяющим дискурсы, практики, результаты действия различных институтов прошлых и ныне существующих обществ, а также являющимся результатом работы многочисленных историков, живших и живущих в этих обществах.

В связи с новыми подходами к анализу исторического материала когда-то анекдотичное выражение "непредсказуемое прошлое" полностью изменило свое значение. Как утверждает Ю. Л. Бессмертный, "исследователь прошлого призван, в первую очередь, помочь своему современнику понять, кто он есть, чем отличается от своих предков, зачем явился в этот мир и ради чего живет"¹³.

Таким образом, главной задачей историка является удовлетворение некоего запроса/интереса общества, который всегда является контекстуальным, а стало быть, и изменчивым. Предмет изучения как бы "плывет", изменяет свои конфигурации, расширяется в зависимости от социального контекста. Применительно к гендерным исследованиям это означает отказ от изучения "вечной внеисторической Женщины" (и, добавим от себя, Мужчины), переосмысление оппозиции "частное-публичное", контекстуализация различий в ген(д)еризации исторических субъектов¹⁴, а также новый анализ самого исторического текста.

Именно поэтому вопрос "что изучать?" имеет столь большое значение как для сторонников, так и для противников гендерной истории. Он тесно связан со вторым вопросом, поставленным в статье В. В. Носкова - "как изучать?". Исторический анализ взаимоотношений полов полностью трансформировал методы самой историографии, так как в науку, ориентированную на факт, начали проникать методы антропологии, психологии и социологии.

Возможно ли изучение гендерной истории традиционными методами? Если согласиться с мнением Герды Лернер о том, что женщины имеют свои собственные отношения с Историей и историческим процессом, отличающиеся от мужских¹⁵, а также принять во внимание присущую традиционной науке иерархию "важности" изучаемых проблем, и что самое важное - изменение самого предмета исследования, становятся очевидными те ограничения, которые искусственно накладываются на исследовательский процесс, причем не какими-то "вышними" научными интересами, а вполне конкретными властными дискурсами, сформировавшимися в XVIII - XX вв. Осознание подобной ограниченности, на наш взгляд, стало переломным моментом в развитии исторической науки, ибо, сформулировав проблему, ученые должны были обратить (и обратили) внимание на самих себя, неизбежно разрушая существующие стереотипы и отказываясь от "иерархичности" знания.

В настоящее время акцент в исследованиях перемещается на изучение собственно "человека-в-истории", причем не столько созданных им и довлеющих над ним "структур", сколько его непосредственного опыта в историческом процессе. В историографии все большую популярность приобретает представление о символичности в человеческой культуре, новая сторона исторического процесса связана с опытом определенных групп и народов, их стремлением к идентификации¹⁶.

Таким образом, мы наблюдаем переход от изучения макроистории к анализу микроистории, с ее принципом тонкой взаимоважной связанности, которую нельзя упростить до схемы. Он лежит в основе практически всех постструктуралистских теорий, в которых идеи обобщения и тождества заменяются идеями различия и множественности, проблемами неструктурного в структуре, каузального, нетипичного и единичного¹⁷. Именно они "дали язык" тем группам, которые были ранее "невидимы" в поле знания, выдвинув в том числе и

гендер как "полезную категорию исторического анализа".

Становится очевидным, что поставленные задачи невозможно решить, опираясь лишь на традиционные методы исследования, необходимо привлечение антропологического, социологического, психологического материала, а также других социальных дисциплин, против которых и выступает автор анализируемой нами статьи. В то же время, признавая различие в качестве основы для критического анализа, мы не можем полностью отказаться от традиционной науки и методов, применяемых ею для изучения исторического материала.

Категория "гендер" в историческом анализе

Главная проблема заключается в том, что традиционные методы исторического анализа не "схватывают" женский опыт и практики. История женщин часто оказывается для "большой науки" статичной и малоинтересной. Перед гендерной историей встают новые задачи - определить, где именно происходят изменения и происходят ли они вообще, какие аспекты жизни при этом затрагиваются, каково значение социальных институтов, а также каковы основные факторы изменений для каждого исторического периода и т.д. Приблизиться к пониманию природы гендерных отношений в их историческом развитии можно лишь используя такие понятия, как "репрезентация", "знание", "власть", "повседневные практики", "социальный институт" и т.д., то есть прибегая к теоретическим разработкам смежных областей научного знания (социологии, антропологии, психологии и т.д.).

Применительно к истории эффективность такого междисциплинарного подхода продемонстрировала Джоан Скотт, предложившая использовать категорию "гендер" при анализе социальных изменений. Гендер у Дж. Скотт понимался, во-первых, как основополагающий элемент социальных отношений, которые базируются на гендерной дифференциации, и, во-вторых, как средство для обозначения и оправдания властных отношений¹⁸.

Согласно Дж. Скотт гендер включает четыре взаимодействующих элемента и ни один из них не действует без остальных. И все же они не действуют одновременно, когда один просто отражает другие:

1. Культурно доступные символы, которые задействуют многочисленные репрезентации.

2. Нормативные концепции, которые дают интерпретации значений символов, пытаются ограничить и удержать их метафорические возможности.

3. Социальные отношения и институты, которые их формируют.

4. Конструирование гендерной идентичности¹⁹.

Таким образом, выстраивается уникальная синтетическая модель, в фундамент которой закладываются характеристики всех возможных изменений социума: системно-структурное, социокультурное, индивидуально-личностное. Предполагаемое развитие модели во временной длительности реконструирует историческую динамику в гендерной перспективе²⁰.

Одним из основных моментов теоретической концепции Дж. Скотт стало понятие власти. Основы нового понимания стратегий власти заложил М. Фуко с его теорией "власти говорящего". Он показал, что властные отношения отнюдь не сводятся к участию в работе политических структур. "Власть - это не некий институт, не некая сила, которой кто-то был наделен. Власть - это имя, которым называют стратегическую ситуацию в данном обществе"²¹. Таким образом, власть буквально пропитывает общество, создавая тот фон, на котором происходит межличностное взаимодействие.

Наиболее эффективно власть, по мнению феминистских критиков, действует на микроуровне, так как здесь она предстает как нечто, определяемое природой²². Наши знания, выраженные с помощью языка, являются своеобразной системой координат (дискурсом), которая создается и поддерживается социальными институтами и социальными практиками. С ее помощью человек может определить, что является приемлемым в данном обществе. Однако в любом социуме всегда существуют несколько дискурсов, борьба которых означает борьбу определенных социальных групп за право назвать вещь и тем самым определить, что же является истиной²³.

Дж. Скотт утверждает, что гендер есть первичное поле, внутри которого или посредством которого артикулируется власть. Созданные как объективный набор указателей, концепции гендера структурируют восприятие и конкретную и символическую организацию социальной жизни. Гендер становится включенным в концепцию и конструкцию самой власти в такой степени, в кото-

рой эти указатели устанавливают распределение власти²⁴.

Гендерному историку важно определить, как именно конструируется гендер во времени и пространстве, какие ресурсы при этом задействуются, как концепции гендера организуют социальную жизнь на конкретных этапах развития человечества и можно ли вообще говорить о таких этапах, как именно распределяется власть. Наиболее интересным является вопрос о взаимодействии дискурсов. Почему, как и при каких обстоятельствах один из них получает легитимацию, в каких отношениях с господствующим дискурсом находятся другие дискурсы, происходит ли смена господствующих дискурсов - все эти проблемы неизбежно возникают при исследовании гендерных отношений на конкретном историческом материале.

Поскольку исследователю приходится изучать микроуровень, где власть "скрыта" в повседневной жизни и ее весьма сложно обнаружить, необходимо использовать ряд совершенно новых для исторической науки подходов, в частности "генеалогический метод" М. Фуко. Настоящее всегда представляет собой соединение элементов прошлого и текущих инноваций. При этом прошлое не повторяется в настоящем, но настоящее разыгрывается и порождает инновации с использованием наследия прошлого. Исследователь может взять за отправную точку анализа сегодняшнее состояние какой-либо проблемы (в нашем случае - взаимоотношение полов) и проанализировать серию трансформаций, которые привели к возникновению какой-либо структуры. В принципе такая постановка вопроса правомерно вытекает из взгляда на историю как нечто конструируемое в процессе исследования, о чем говорилось выше.

Однако она не лишена собственной проблематизации. В частности, возникает вопрос о том, насколько возможно писать историю настоящего, требующую прочтения истории в контексте вопросов, сформулированных сегодня, и проецируя сегодняшние заботы на прошлое. Иными словами - насколько правомерно "осовременивание" истории? Однако формулировка некоей проблемы не есть сиюминутный процесс, сама логика исторического развития подводит нас к ее постановке, к тому же, как уже анализировалось ранее, история имеет для нас значение (признаем мы это или отрицаем) лишь в той степени, в какой она отвечает на наши сегодняшние запросы. Как можно датировать появление той или иной проблемы?

Признавая принципиальную субъективность любого исследования, мы невольно попадаем в заколдованный круг, где исследователь должен полагаться лишь на собственные критерии (возможно, объективированные соответствующим научным дискурсом). "Вопрошая" историю, мы организуем материал не столько относительно его собственной внутренней логики (которая остается для нас вещью в себе), сколько в отношении к задаваемому вопросу. Каковы объективные критерии отбора материала? Насколько субъективность исследователя влияет на "игру" с историческими фактами²⁵?

Нетрудно заметить, что все эти вопросы отнюдь не новы и давно уже были поставлены в традиционной науке. В ней существует некий "идеал цельного знания" - эдакий позитивистский божок, который позволяет, как предполагают исследователи, "убрать" пресловутый субъективизм и получить строго научные, не зависящие от субъекта результаты. У М. Фуко признание того, что производство истины позволяет людям управлять собой и другими, проблематизирует саму возможность нахождения той самой "абсолютной объективной истины". В подобной ситуации историк может лишь принять факт собственной включенности в "игру власти" и учесть его в конкретном исследовании.

При декларируемой субъективности научного знания неизбежно возникают два основных вопроса: насколько "конструирование" истории зависит от конкретного исследователя и каковы границы данного "конструирования"? Необходимо отметить, что ответ на поставленные вопросы лежит отнюдь не в рамках традиционной (позитивистской) исторической науки. Ее критики отнюдь не создают, а лишь обозначают уже существующую проблему. На наш взгляд, время от времени предпринимающиеся попытки сознательного "конструирования" истории как раз и основываются на доведенных до логической точки методологических основаниях именно традиционной науки, когда исследователь выступает в качестве субъекта, поставленного над реальностью, фактически Бога, а история предстает как объект, полностью подчиненный власти субъекта.

Новая методология предлагает рассматривать наши отношения с историей не с позиции субъект-объектных отношений. История конструирует исследователя в той же степени, в какой и он конструирует историю. Фигурально выражаясь, история обладает Душой, являющейся таким же сложным конструктом как и душа человека. Таким образом, можно говорить скорее о субъект-

субъектных отношениях, при этом вопрос о зависимости конструируемого и конструирующего приобретает совершенно другой смысл.

Итак, новые философские основания, на которых строится гендерная история, объединяющая историческую феминологию, историческую андрологию, историю гомосексуальности и историю взаимоотношений полов, заставляют по-новому взглянуть на само производство научного знания, серьезно пересмотрев его критерии. Гендерный историк должен исследовать всю множественность социальных связей, не упуская при их рассмотрении фактор пола и гендерного взаимодействия²⁶.

Современные гендерные исследования осуществляются преимущественно в направлении сочетания "традиционных" для историков проблем социально-экономического плана, антрополого-семиотического подхода и ключевых аспектов гендерных взаимодействий²⁷. При этом используются достижения смежных (и сравнительно новых) областей научного знания - устной истории, психоистории, истории повседневности, истории ментальности и т.д., что предполагает очень серьезную профессиональную подготовку. Получение действительно ценных и важных результатов возможно лишь при работе целого коллектива специалистов. Как бы ни был широко образован тот или иной ученый, он не сможет в одиночку применить все возможные методы исследования и решить все поставленные проблемы. Гендерная методология изначально предполагает сотрудничество ученых самых разных направлений и школ.

Таким образом, гендерная история отнюдь не комплиментарна по отношению к "большой науке", однако она имеет и свою собственную проблематику, которую сформулировала в своей последней статье Карен Оффен: существует ли история женщин как таковая? Как соотносятся женская история и гендерная история? Каково оформление и содержательное наполнение господствующих академических дисциплин? Каким образом формулировать результаты исследований? Как соотносятся гендерные исследования и феминизм²⁸?

Мы попытались дать собственные ответы на поставленные вопросы:

1. Существует ли история женщин как таковая? При этом имплицитно предполагается, что история женщин неким образом отделена от истории мужчин, которые, как правило, и создают ту самую "Всеобщую историю" человечества, против которой так резко выступают современные феминистки. "История женщин", на наш взгляд,

является неким идеальным конструктом, от которого искусственно отсечены все "лишние" элементы. Вопрос в данном случае заключается вовсе не в том, существовала/ет ли такая история объективно, а в том, насколько полезен и важен подобный конструкт для дальнейшего развития гендерных исследований. Соответственно каждый специалист может дать ответ на этот вопрос, исходя из собственных научных интересов и потребностей.

2. Как соотносятся женская история и гендерная история? Дискуссия о соотношении женской и гендерной истории напрямую относится к вопросу о некоей ценности полученного знания, которая в значительной мере зависит от конкретных запросов общества, носящих контекстуальный характер.

3. Каково оформление и содержательное наполнение господствующих академических дисциплин? В данном случае речь будет идти о стратегиях поведения по отношению к "традиционной науке", которые мы проанализировали в первой части статьи.

4. Каким образом формулировать результаты исследований? Проблема научного языка, сформированного традиционной наукой, поднимается во многих работах современных авторов (в частности, в исследованиях Л. Ирригарэ), однако пока она не нашла своего решения. Очевидно,

что тесная связь языка, дискурса и власти, постулированная в работах постструктуралистов, требует совершенно особого подхода, выходящего за рамки науки и относящегося скорее к компетенции философской мысли. Заметим, что феминистски ориентированные ученые считают язык "символическим отражением андроцентрических структур" и одним из средств исключения женщины из общественной жизни²⁹. В целом обретенные женщинами "голоса" и "памяти" - один из самых болезненных исторических процессов. Долгое время женщины могли выражать себя лишь через и с помощью мужчин, что нашло свое отражение и в исторической науке. Таким образом, речь идет о пересмотре всей системы современного знания.

5. Как соотносятся гендерные исследования и феминизм? То есть насколько политическая доктрина оказывает влияние на конкретное исследование (и исследователя). Признавая активное участие субъекта исследования в конструировании объекта, необходимо признать, что личный опыт накладывает свой отпечаток на результаты исследования. При этом достаточно широкая трактовка самого понятия "гендер", а также постулирование различия в качестве методологической концепции предполагает, что исследователь отнюдь не ограничен в своем выборе лишь феминистской политической теорией.

Библиография

1. Будде Г. Ф. "Пол истории" // Пол. Гендер. Культура / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М., 1999. С. 131-154.
2. Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / Под ред. И. Чикаловой. Минск, 2001.
3. Клименкова Т. А. Читая феминистских теоретиков (научный обзор) // Женщины в обществе: мифы и реалии: сб. науч. ст. / Под ред. Крушней А. С. М., 2000. С. 6-22.
4. Малышева М. М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М., 2001.
5. Робер Кастель. "Проблематизация" как способ прочтения истории // Мишель Фуко и Россия: сб. научн. ст. / под ред. О. Харходина. СПб., 2001. С. 10 -32.
6. Носков В. В. История и "гендерная история" // Гендерная история: pro et contra: Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ/ Под ред. М. Г. Муравьевой. СПб., 2000. С. 40-42.
7. Оффен К. Оглядываясь назад - размышляя о будущем: проблемы женской и гендерной истории после встречи в Белладжии (1989) // Гендерные истории Восточной Европы / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Минск, 2002. С. 13-27.
8. Пето А. Заметки по женской истории: нетрадиционные феминистки // Гендерные истории Восточной Европы / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Минск, 2002. С. 27-37.
9. Пушкарева Н. Л. Гендерная методология в истории // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под ред. М. М. Малышевой. М., 2001. С. 52-76.
10. Пушкарева Н. Л. Как женщин сделали видимыми // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. научн. ст. / Под ред. И. Чикаловой. Минск, 2001. С. 20-55.
11. Репина Л. П. Гендер в истории: проблематика и методология исследований // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под ред. О. А. Ворониной. М., 2001. С. 351-366.
12. Скотт Джоан. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Часть II / Под ред. С. Жеребкина. Харьков, Санкт-Петербург, 2001. С. 405-437.
13. Усманова А. "Визуальный поворот" и "гендерная история" // Гендерные истории Восточной Европы / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Минск, 2002. С. 38-65.
14. Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 2000.
15. Шутова О. М. Устная и гендерная история в свете антропологизации историографии // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. научн. ст. / Под ред. И. Чикаловой. Минск, 2001. С. 55-74.
16. Duby G. Writing the history of women // *A history of women in the West. From ancient goddesses to christian saints* / Ed. By P. S. Pantel. Harvard, 1994. P. ix-1.
17. Lerner G. *Women and history. The creation of feminist consciousness: from the Middle Ages to Eighteen-seventy*. New-York, Oxford, 1993.
18. Mascia-Lees E. F., Black N. J. *Gender and antropology*. Illinois, 2000.
19. Wodak R. Introduction: some important issues in the research and discourse // *Gender and discourse* / Ed. By R. Wodak. London, 1997. P. 1-21.

Примечания

- ¹ Носков В. В. История и "гендерная история" // Гендерная история: pro et contra: Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ / Под ред. М. Г. Муравьевой. СПб., 2000. С. 42.
- ² Duby G. *Writing the history of women // A history of women in the West. From ancient goddesses to christian saints* / Ed. By P. S. Pantel. Harvard, 1994. P. xii.
- ³ Носков В. В. История и "гендерная история"... С. 41.
- ⁴ Duby G. *Writing the history of women...* P. xvi.
- ⁵ Клименкова Т. А. Читая феминистских теоретиков (научный обзор) // Женщины в обществе: мифы и реалии: сб. науч. ст. / Под ред. Крушний А. С. М., 2000. С. 8.
- ⁶ Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / Под ред. И. Чикаловой. Минск, 2001. С. 9.
- ⁷ Носков В. В. История и "гендерная история"... С. 40.
- ⁸ Малышева М. М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М., 2001. С. 132-133.
- ⁹ Duby G. *Writing the history of women...* P. x-xi.
- ¹⁰ Клименкова Т. А. Читая феминистских теоретиков... С. 7.
- ¹¹ Пето А. Заметки по женской истории: нетрадиционные феминистки // Гендерные истории Восточной Европы / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Минск, 2002. С. 27.
- ¹² Пушкарева Н. Л. Гендерная методология в истории // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под ред. М. М. Малышевой. М., 2001. С. 64.
- ¹³ Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 2000. С. 7.
- ¹⁴ Усманова А. "Визуальный поворот" и "гендерная история" // Гендерные истории Восточной Европы / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Минск, 2002. С. 39.
- ¹⁵ Lerner G. *Women and history. The creation of feminist consciousness: from the Middle Ages to Eighteen-seventy*. New-York, Oxford, 1993. P. 4.
- ¹⁶ Шутова О. М. Устная и гендерная история в свете антропологизации историографии // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / Под ред. И. Чикаловой. Минск, 2001. С. 59.
- ¹⁷ Пушкарева Н. Л. Гендерная методология в истории... С. 65.
- ¹⁸ Будде Г. Ф. "Пол истории" // Пол. Гендер. Культура / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М., 1999. С. 135.
- ¹⁹ Скотт Джоан. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Часть II / Под ред. С. Жеребкина. Харьков, Санкт-Петербург, 2001. С. 422-424.
- ²⁰ Репина Л. П. Гендер в истории: проблематика и методология исследований // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под ред. О. А. Ворониной. М., 2001. С. 354.
- ²¹ Цит. по: Пушкарева Н. Л. Гендерная методология в истории... С. 68.
- ²² Пушкарева Н. Л. Гендерная методология в истории... С. 68.
- ²³ Mascia-Lees E. F., Black N. J. *Gender and antropology*. Illinois, 2000. P. 81-82.
- ²⁴ Скотт Джоан. Гендер: полезная категория исторического анализа... С. 425.
- ²⁵ Робер Кастель. "Проблематизация" как способ прочтения истории // Мишель Фуко и Россия: сб. науч. ст. / под ред. О. Харходина. СПб., 2001. С. 11-12.
- ²⁶ Пушкарева Н. Л. Гендерная методология в истории... С. 69.
- ²⁷ Шутова О. М. Устная и гендерная история в свете антропологизации историографии... С. 66.
- ²⁸ Оффен К. Оглядываясь назад - размышляя о будущем: проблемы женской и гендерной истории после встречи в Белладжии (1989) // Гендерные истории Восточной Европы / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Минск, 2002. С. 17-22.
- ²⁹ Wodak R. Introduction: some important issues in the research and discourse // *Gender and discourse* / Ed. By R. Wodak. London, 1997. P. 10.

Inessa Haider

Gender Methodology of History (Statement of a Question)

The article by Inessa Haider, PhD, working at Kuban State University, is discussed as follows:

One of the themes of the article is a debating of the role of gender aspects in studying history, as a wider view than "traditional"/"male" methodology can give. The author enters into polemics with V. Noskov, as the representative of "traditional" methods of studying history.

As Haider sees it, one of the reasons for negative attitudes regarding gender history by traditional historians is a power discourse. Men feel threatened in their positions in the field of science.

Another point stressed by the author is a crisis in modern history, which created gender studies. It is obvious now that traditional methodology of history cannot cover all of the fields of knowledge.

Some other questions that Haider raised in her article are: relations between gender studies and feminism, and relations between gender history and women's history, etc.

